

Р.А. Ромашов, В.Ю. Панченко, А.А. Исаева, И.Ю. Макаrchук

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ СИСТЕМЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-721.2018.6.

На основе системного подхода последовательно рассматриваются конституционно-правовые основы, генетические и исторические особенности российской уголовной политики, ее метод, предмет и объект, а также структурные элементы упомянутого феномена. Выделена направленность уголовной политики как средства обеспечения социально-политической стабильности, развития и безопасности общества. С прикладных позиций рассмотрено место уголовной политики в системе государственной и международной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; властеотношения; профилактика преступности; социально-политическая безопасность.

О современном понимании политики. Политика – инструментальный способ организации общества и управления им. Ее основными целями являются: обеспечение социально-политической стабильности, создание условий для поступательного социального развития, обеспечение социально-политической безопасности. Формой осуществления политики выступают властеотношения, представляющие собой основной инструмент политической коммуникации – социального средства «перевода» политической информации в предполагаемую политическую деятельность.

Под властеотношениями понимается форма юридически значимых социальных отношений, в основу которых положен принцип функционального неравенства сторон. В рамках политических властеотношений одни люди повелевают, другие подчиняются обращенным к ним властным велениям. Отсюда властеотношения представляют собой способ манипулятивного воздействия со стороны власти на сознание и поведение подвластных.

Состав властеотношений образуют субъекты, наделенные властными правомочиями (государство, должностные лица), и субъекты, несущие исполнительские обязательства (народ, общество, отдельные личности). Субъекты власти обеспечивают свою деятельность за счет возможности применения легального принуждения, инструментом внешнего выражения которого является государственная политика. Возникает вопрос о том, является ли субъектом политической деятельности государства государственно организованный народ.

В формальном плане, исходя из содержания Конституции Российской Федерации, российский народ является единственным источником государственной власти и коллективным носителем государственного суверенитета. Вместе с тем на практике народ представляет собой абстрактное явление, не способное выступать в качестве реального субъекта любых, в том числе политических, отношений. Современная ситуация с позиционированием народа в качестве носителя публичной политической власти аналогична той, которая была в СССР, где народ объявлялся коллективным собственником государственного (общена-

родного) имущества. Проведенная приватизация наглядно доказала, что в качестве собственников большинство россиян себя не воспринимают. Кстати, примерно такая же ситуация сложилась в Российской империи после отмены в 1861 г. крепостного права. Несвободного человека нельзя сделать свободным по принуждению «сверху», точно так же как нельзя сделать собственником человека в обществе, не воспринимаящем собственность в качестве неотъемлемого права. Человека, отделяющего себя от государства и считающего себя «винтиком», от которого в политике ничего не зависит, нельзя одномоментно превратить в свободного гражданина свободной страны, осознающего себя не только послушным инструментом власти, но и ее неотъемлемой частью [1. С. 54–55].

Российская политика на всех этапах своего становления основывалась на разграничении и обособлении органов и должностных лиц государственной власти от общества в целом и отдельных его представителей в частности.

В Российской империи главным субъектом государственной власти являлся монарх – император. Все остальное население империи составляли подданные императора. При этом российским императором мог стать только русский православный представитель царствующей династии. Никто другой не мог предъявлять законные претензии на российский престол.

В Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) главенствующую позицию занимала коммунистическая партия, представленная ее руководящим органом – Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС), а фактическим главой государства являлся партийный лидер – Генеральный секретарь ЦК. Формальное социальное уравнивание было связано с отменой в постреволюционной России сословного деления, на практике оно не исключало социального неравенства. Властные полномочия сосредоточивались в руках узкого круга лиц – партийно-хозяйственной номенклатуры, представлявших собой советскую элиту, оторванную от широких народных масс в не меньшей степени, по сравнению с дворянством Российской империи. На смену сословно-религиозному цензу в пришел номенклатурно-партийный. Формальным

условием для продвижения по карьерной советской лестнице являлось членство в КПСС. Однако на практике «движение вверх» определялось многочисленными факторами объективного и субъективного характера, обусловившими концептуальную неопределенность кадровой политики и ее зависимость от чиновного волюнтаризма. В качестве примера можно привести судьбы «маршала Победы» Г.К. Жукова, «отца атомного проекта» Л.П. Берия, зятя Л.И. Брежнева Ю.М. Чурбанова и многих других лиц, карьерные взлеты и падения которых объяснялись не только личными качествами, но и субъективным отношением к ним со стороны «советских властителей».

В современной России основная государственная власть замкнута на фигуре Президента, являющегося и главой государства (ч. 1 ст. 80 Конституции РФ). Сегодня политическая система выстроена так, что от его позиции и личного отношения фактически зависит каждый российский гражданин. Он в режиме «ручного управления» может решить, по сути, любой вопрос, относящийся к государственной компетенции, в том числе в правовой области. Теоретически главой современного государства может стать любой российский гражданин, достигший тридцатипятилетнего возраста и проживающий в России не менее 10 лет, не зависимо от пола, профессии, религии и других оснований. Вместе с тем на практике властная номенклатура становится все более изолированной от народных масс. Вывод «новых игроков» на политическую арену является прерогативой самого Президента и высших должностных лиц его Администрации, а не населения соответствующих регионов и страны в целом. В современной России, начиная со времени правления Б.Н. Ельцина, сложилась волюнтаристская модель передачи высших властных полномочий. В рамках такой модели окончательное решение о сложении с себя властных полномочий и возложении их на преемника принимает сам Президент, соответственно народу остается утвердить «акт высшего волеизъявления», а точнее – согласиться с ним.

Таким образом, следует констатировать, что в политической практике России народ на всех исторических этапах выступал не в качестве субъекта политической власти, а как объект публичного управления, жизнедеятельность которого всегда определялась «высшей волей». Неосознанное сопротивление ей в ряде случаев выливалось в «слепые и беспощадные русские бунты», представлявшие так называемые конфликты безысходности, по сути своей изначально обреченные и деструктивные.

Именно отделенностью народа от власти следует объяснять практически моментальное разрушение механизмов российского и советского государств в 1917 и в 1991 гг. Говорить о том, что в современной России подобный сценарий будущего развития в принципе невозможен, конечно можно, однако, на наш взгляд, опрометчиво и самонадеянно.

Рассмотрение сущности, целеполаганий, содержательного наполнения конституционно-правовых основ государственной политики обуславливает необходимость разграничения в ней объективной и субъективной составляющих.

Объективность государственной политики предопределяет ее направленность на обозначенные выше целевые установки, связанные с обеспечением социально-политической стабильности, социально-политического развития и социально-политической безопасности.

В свою очередь субъективизм государственной политики предполагает ее зависимость от личных устремлений людей, занимающих высшие посты в государственном аппарате и обладающих прерогативами в политической области. К сожалению, история неоднократно свидетельствовала, что усиление субъективизма в политической сфере, как правило, приводило к деструктивным изменениям политической системы.

Общая характеристика уголовной политики: понятие уголовной политики. Уголовная политика – управленческая деятельность государства в сфере профилактики преступности, уголовного преследования, уголовного правосудия, исполнения уголовно-правовых наказаний и ресоциализации осужденных [2. С. 283–286]. Она является лишь одним из направлений, проводимых государственной политикой.

В качестве признаков, характеризующих конституционные основы уголовной политики, следует выделить:

- непосредственную связь с государством – уголовная политика разрабатывается на основании норм действующей Конституции 1993 г. на общегосударственном уровне, получает свое закрепление в действующем уголовном законодательстве и обеспечивается при помощи государственных гарантий и санкций;

- концептуальность – в основу уголовной политики должна быть положена логически последовательная концепция понимания преступности, ее места в политической системе общества, а также государственного противодействия криминальным тенденциям;

- законность – уголовная политика закрепляется на законодательном уровне и осуществляется на основании и в порядке, предусмотренном действующим уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством;

- организационная обособленность – уголовная политика разрабатывается и реализуется государственными органами и должностными лицами, наделенными специальными компетенциями в сфере антикриминальной деятельности, система и правовое положение которых закреплены в Конституции РФ;

- результативность – уголовная политика предполагает достижение определенных измеримых результатов и оценивается с точки зрения эффективности / неэффективности по степени достижения этих результатов.

Об объекте и предмете уголовной политики. Объект политики определяется направлением, в рамках которого осуществляется управленческое воздействие государства на обособленную группу общественных отношений. Если говорить об уголовной политике государства как направлении антикриминальной деятельности, то ее объектом будут выступать обще-

ственные отношения непосредственно и опосредованно связанные с преступностью.

Государство, упорядочивая общественные отношения и закрепляя в Конституции и действующем законодательстве общезначимые и общеобязательные правила поведения, автоматически разграничивает то, что для государственной власти является «порядочным» и то, что рассматривается как «непорядочное / противопорядочное». Соответственно, как только те или иные отношения получили свою «узаконенность», возникают коммуникации, квалифицируемые как незаконные / противозаконные. В отличие от естественных (природных) законов, обладающих фактической общеобязательностью, общеобязательность законов правовых (в том числе уголовных) носит гипотетический характер и предполагает возможность их несоблюдения либо нарушения со стороны отдельных субъектов права. При этом эффективность и действенность правовых законов определяется не с точки зрения невозможности их нарушения, а в плане принятия / неприятия значимости конкретного правового предписания (запрета, обязывания, дозволения) конкретным индивидом, который своими правомерными / противоправными поступками показывает свое отношение к выраженной в праве политике государства.

Таким образом, в качестве объекта уголовной политики следует рассматривать общественные отношения, которые в данном государстве, на данном историческом этапе оцениваются в качестве криминальных. Изменение политического режима, как правило, влечет изменение в содержании объекта уголовной политики, что находит отражение в Конституции. Например, закрепление в Конституции России 1993 г. тезиса о многообразии форм собственности и многоукладности экономики повлекло существенное изменение объекта уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, связанных с противозаконным оборотом собственности.

Объект и объективность уголовной политики. Рассмотрение объекта в качестве целеполагающей установки, определяющей направленность политической деятельности в заданной объектом сфере общественной жизни, актуализирует вопрос о соотношении понятий «объект» и «объективность уголовной политики». На наш взгляд, объект уголовной политики предопределяет ее объективность – независимость от субъективных оценок и волеизъявлений. В таком понимании преступление и преступность представляют собой явления, юридическое значение которых неразрывным образом связано с пониманием права и законности. Появление права и закона как основной формы его выражения автоматически влечет появление юридического антипода – преступления и, как следствие, выделение в системе общественной жизни обособленного сегмента – преступности, который с первых моментов своего «социально-правового рождения» рассматривается в качестве негативного проявления, но без которого государство и право себя не представляют.

Любое государство управляет обществом, в том числе, при помощи системы нормативных правовых актов. В любом государстве на законодательном уровне осуществляется закрепление поведенческих

стандартов, признаваемых преступными, и осуществляется борьба с ними. Эта борьба не может привести к окончательной победе над преступностью, также как и борьба врачей с конкретными видами заболеваний никогда не приведет к окончательной победе здоровья над болезнью. Отсюда объект уголовной политики – общественные отношения в криминальной сфере – предопределяет объективность уголовной политики – антикриминальную деятельность государства. Государство может на законодательном уровне менять отдельные содержательные аспекты уголовной политики. Однако уголовная политика как явление будет существовать до тех пор, пока существуют сами государство и право.

Предмет уголовной политики в совокупности образуют ее отдельные фрагменты, представляющие более узкую и вместе с тем более глубокую характеристику данного направления государственной деятельности.

Следует особо подчеркнуть, что и объект и предмет характеризуют уголовную политику как целостное системное явление. Соотношение объекта и предмета может быть охарактеризовано при помощи образа разбитого зеркала. Точно так же как целое зеркало и любой из его осколков отражают всю картину, а не отдельную ее часть, так же объект и предмет характеризуют явление в целом. Отличие заключается в том, что объектное видение носит общий характер, а предметная характеристика предполагает выбор специфического ракурса.

В предмет уголовной политики входят: основные понятия и принципы, характеризующие уголовную политику как социально-правовое явление; наиболее важные закономерности формирования и функционирования уголовной политики; теоретические модели уголовной политики и практические механизмы ее реализации; современные вызовы и угрозы в области осуществления уголовной политики, а также перспективные направления оптимизации данной области общественных отношений.

О функциях уголовной политики. Функции уголовной политики – это основные направления государственной деятельности в сфере антикриминальных отношений. К функциям уголовной политики относятся: научно-теоретическая, прикладная, прогностическая.

Научно-теоретическая функция включает: определение ключевых понятий (уголовная политика, преступление, преступность, субъект преступления, уголовное наказание, исполнение уголовного наказания и т.п.); выяснение наиболее общих закономерностей развития преступности и ее взаимодействия с политико-правовой системой; определение оптимальных средств и методов противодействия преступности, в том числе за счет разработки модельных нормативно-правовых актов в данной области.

В рамках *прикладной функции* дается объективная оценка современного состояния преступности и системы антикриминальной деятельности; осуществляется оптимизация существующей правоохранительной системы и системы уголовного правосудия.

Прогностическая функция направлена на разработку достоверных сценариев развития преступности

и определение наиболее эффективных механизмов противодействия ей в обозримом будущем.

О методах уголовной политики. Методы уголовной политики – это средства и способы, при помощи которых политические установки в сфере антикриминальной деятельности преобразуются в реальные общественные отношения.

Основным методом отечественной уголовной политики на всех этапах ее становления являлся безусловный властный императив. При этом применение императивного метода имело основной целью кару преступника за совершенное преступное деяние. «Закон суров, но это закон», «незнание закона не освобождает от ответственности за его неисполнение», «карающий меч правосудия» и т.п. Вместе с тем исторический опыт наглядно свидетельствует о том, что добиться стабильных долговременных успехов в противоборстве с преступностью при помощи исключительно императивных методов, сводящихся к формированию на психологическом уровне чувства страха перед жестокостью уголовного наказания, невозможно [3. С. 240–256]. Человек достаточно быстро адаптируется к изменяющимся, в том числе и в негативную сторону, жизненным обстоятельствам и начинает воспринимать их в качестве нормы [4].

Если рассматривать страх перед наказанием в качестве основного мотива правомерного поведения, нужно, во-первых, постоянно демонстрировать примеры жестоких наказаний в отношении отдельных представителей общества, а во-вторых, периодически усиливать тяжесть применяемых карательных мер.

Такой путь может привести к временным успехам, но в долговременной перспективе не конструктивен, поскольку способствует выработке в общественном сознании коллективного чувства апатии и равнодушия.

На смену инициативе и желанию осуществлять позитивное преобразование окружающего мира приходит стремление дистанцироваться от государственной политики, с последующим пассивным ее осуждением либо активным противодействием проводимому государством политическому курсу.

О структуре уголовной политики. Уголовная политика представляет собой сложную конструкцию, объединяющую различные направления деятельности в сфере антикриминальных коммуникаций. В качестве структурных элементов системы уголовной политики следует выделять: криминологическую, общепреventивную, материальную, процессуальную, оперативно-розыскную, уголовно-исполнительную, правосстановительную.

В рамках *криминологической политики* происходит разработка концепций развития преступности, методик ее измерения и оценки, вырабатываются стратегические и тактические планы по противодействию криминальным тенденциям [5. С. 99–101].

Общепреventивная политика представляет собой направление государственной деятельности в сфере профилактики преступности. Как уже отмечалось, вплоть до настоящего времени в российской уголовной политике основной общепреventивной мерой, направленной на сдерживание криминальной активности,

выступает формируемый на государственном уровне страх перед жестокостью уголовного наказания.

При этом в СМИ демонстрируется далеко не однозначное отношение государства к различным субъектам [6. С. 8–14], обвиняемым в совершении равнозначных по степени общественной опасности преступлений.

В качестве примера можно рассмотреть два резонансных уголовных дела в отношении известных государственных чиновников: бывшего министра обороны А.Э. Сердюкова и бывшего министра экономического развития А.В. Улюкаева. И тот и другой обвинялись в совершении масштабных коррупционных преступлений. Вместе с тем в отношении А.Э. Сердюкова суд прекратил дело на основании акта амнистии, А.В. Улюкаев же получил 8 лет реального срока в колонии строгого режима. Не собираясь вдаваться в подробности каждого дела и не выражая сомнений в законности принятых судебных решений, считаем нужным заметить, что с точки зрения общепреventивной политики подобная разница во мнениях играет в большей степени отрицательную роль, поскольку способствует выработке на обывательском уровне чувства недоверия к государственной правоохранительной и судебной системе, действующей избирательно и не связанной принципом равенства всех перед законом и судом.

Материальная политика связана с законодательным закреплением основных понятий и принципов, характеризующих криминальную сферу общественной жизни. К числу таких понятий относятся дефиниции преступления, наказания, субъекта преступления, преступной организации, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность за совершение преступления и т.п. Также в рамках материальной политики осуществляется характеристика видов и составов деяний, признаваемых преступными на данном этапе государственного развития, закрепляются виды уголовных наказаний и определяется порядок их исполнения.

Процессуальная политика определяет порядок осуществления уголовного преследования, уголовного правосудия и применения уголовных наказаний. При этом превалирование в уголовной политике государства «карательного» уклона фактически исключает из сферы уголовно-процессуального обеспечения и защиты лиц, оказавшихся помимо своей воли вовлеченными в криминальные отношения. Речь идет о потерпевших и свидетелях. В России вплоть до настоящего времени практически не работает программа защиты свидетелей. Что же касается защиты прав потерпевших и в первую очередь компенсации им причиненного в результате преступления ущерба [7. С. 77–84], то государство фактически дистанцируется от этого, «переводя» правосстановительную функцию из сферы уголовно-процессуальной деятельности в «гражданско-процессуальную», придавая ей характер гражданско-правового спора о субъективном праве.

Оперативно-розыскная политика направлена на выявление и пресечение преступлений, а также организацию розыска лиц, подозреваемых или обвиняемых в их совершении. Особенностью оперативно-

розыскной политики является то, что ее осуществление предполагает проникновение в сферу частных интересов. Оперативно-розыскная деятельность в большей своей части носит нелегальный характер и основывается на агентурных разработках. Использование в качестве агентов представителей преступного мира, по сути, означает партнерские отношения между государством (в лице оперативника) и преступностью (в лице агента). Возникает риторический вопрос о сопоставлении «большого» и «меньшего зла». Кроме того, «палочная» система оценки эффективности работы оперативных подразделений, когда процент раскрытия является основным оценочным показателем их деятельности, нередко является причиной нарушений в области материального и процессуального уголовного права, связанных с фальсификацией материалов уголовных дел, а также их заказной фальсификацией.

Уголовно-исполнительная политика характеризует государственную деятельность в сфере организации и функционирования системы исполнения уголовных наказаний. Основными составными элементами данной системы являются: система осуществления мер процессуального принуждения (содержание подозреваемых и обвиняемых лиц под домашним арестом, в СИЗО и т.д.); система осуществления наказаний, не связанных с лишением свободы (условное осуждение, принудительные работы и т.д.); система осуществления наказаний, связанных с лишением свободы (содержание осужденных в исправительных центрах, колониях, тюрьмах).

Одной из основных проблем, решаемых в рамках проводимой уголовно-исполнительной политики, является проблема определения реалистичных целей уголовного наказания. В УК РФ в качестве таких целей закрепляется восстановление социальной справедливости, недопущение рецидивной преступности, исправление осужденных. Вместе с тем если проанализировать современное состояние российской уголовно-исполнительной системы, то в качестве реальных целевых установок, определяющих ее функционирование, на наш взгляд, следует выделить две: это изоляция от общества лиц, признанных социально опасными, и кара за совершенные преступления [8. С. 73].

При этом в настоящее время государство демонстрирует тенденцию к ужесточению наказаний за ряд преступлений, признаваемых на политическом уровне особо опасными. Речь, в первую очередь идет о преступлениях террористической [9. С. 98–103] и коррупционной направленности [10. С. 48–54], а также преступлениях в сфере незаконного наркотрафика.

Правовосстановительная политика предполагает осуществление государственной деятельности, направленной на восстановление нарушенных в результате преступной деятельности субъективных прав и компенсации нанесенного преступлением ущерба. Как уже ранее отмечалось, в настоящее время государство фактически дистанцировалось от данного направления, переориентировав потерпевших в сферу рассмотрения частноправовых споров о праве, разбираемых органами гражданского судопроизводства.

О месте уголовной политики в системе государственной и международной политики. В общетеоретическом плане государство представляет собой политическую организацию населения (граждан, подданных) и механизм публичной политической власти. В таком понимании государственная политика одновременно выступает как организационное и как управленческое средство воздействия на общественные отношения. В качестве системных элементов государственной политики выступают: политика в сфере государственного устройства, экономическая политика, правовая политика, военная политика, политика в сфере социального обеспечения и социальной поддержки, экологическая политика и др.

Уголовная политика входит в структуру правовой политики и в таком понимании представляет собой совокупность материальных и процессуальных институтов, характеризующих государственную деятельность в области противодействия криминальным тенденциям, а также в сфере установления и реализации уголовно-правовой ответственности, ресоциализации лиц отбывающих и отбывших уголовное наказание, восстановления нарушенных преступными деяниями субъективных прав и компенсации причиненного материального и морального ущерба.

Уголовная политика государства наиболее тесным образом связана с экономической и социальной политикой.

Профилактика преступности и борьба с ней являются видами профессиональной деятельности, организация и осуществление которой требуют серьезных материально-финансовых вложений. С учетом того, что в качестве основной составляющей преступности выступает незаконная экономическая деятельность (в данном случае под незаконной экономической деятельностью понимаем все виды преступлений, направленных на незаконное приобретение собственности и извлечение измеряемой в денежном эквиваленте прибыли), можно и нужно говорить о стоимости для государства как преступности, так и государственного механизма антикриминальной деятельности. На наш взгляд, финансовое измерение осуществленных государством затрат на содержание правоохранительной системы и полученных в итоге результатов ее деятельности является достаточно показательным средством измерения эффективности государственной уголовной политики.

С учетом организационной функции государства, уголовная политика выступает в качестве инструмента социального структурирования общества. Места лишения свободы представляют собой своего рода закрытые административно-территориальные образования, в пространственных пределах которых значительное количество граждан проживают в течение ряда лет, определенным сроком уголовного наказания, а некоторые живут всю оставшуюся жизнь (приговоренные к пожизненному лишению свободы). При этом, независимо от тяжести совершенного преступления, люди, совершившие преступления, остаются людьми и заслуживают к себе человеческого отношения. Концепция организации учреждений исполнения уголовных наказаний, равно как и условия содержания в них, наглядным образом

демонстрируют реальное отношение государства к человеку, его правам и законным интересам, и в этом плане являются важными характеристиками государственной политики в сфере социального обеспечения и социальной защиты (ст. 7 Конституции РФ).

В отличие от государственной политики, основывающейся на презумпции «руководящей и направляющей» роли государства в области организации и осуществления политической деятельности, политика в сфере международных отношений опирается на принципы формального равенства государств-субъектов, а также на приоритет международного права по отношению к национальному законодательству.

Особенностью уголовной политики, осуществляемой на международном уровне, является необходимость выработки общих подходов к пониманию таких ключевых категорий, как преступление, субъект преступления, уголовное преследование, уголовное правосудие и др., а также определению общих для всех стран, участвующих в формировании и осуществлении международной уголовной политики, принципов, ценностей, целевых установок.

Особенностью уголовной политики государства применительно к современной России является ее «замкнутость» на персоналии главы государства – Президента, которому принадлежат как прерогативы в области законодательного и организационно-кадрового обеспечения антикриминальной деятельности, так и «окончательное слово» в сфере уголовного преследования и правосудия.

В уголовной политике на международном уровне Россия выступает в качестве *одного из* государств-субъектов, в формальном смысле не отличается от других 193 государств – участников ООН, однако в реальности претендует на такое же центральное место в международной политике, которое ранее занимал СССР.

Возникает проблема так называемых двойных стандартов, когда деятельность международно-правовых механизмов уголовного преследования и правосудия рассматривается с точки зрения их соответствия или несоответствия правовым представлениям и ценностным предпочтениям, сложившимся на уровне субъективной ментальности высших лиц государственной власти.

Данная проблема обуславливает ситуацию, когда одно и то же с точки зрения правового содержания явление может рассматриваться и как правомерное и как противоправное, с соответствующим формально-юридическим отношением к нему.

В качестве примера можно назвать отношение нынешних российских властей к деятельности Международного трибунала в Гааге. Международный трибунал рассматривается в большей степени не как юридическая, а как политическая организация, в рамках которой правовые средства и методы используются для претворения в жизнь политической воли государств, выступающих на сегодняшний день в качестве центров силы. Речь в первую очередь идет о США, конфронтация с которыми для России достигает уровня послевоенной холодной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашов Р.А. Уголовная политика России: генезис и современность // История государства и права. 2017. № 21 (244). С. 54–55.
2. Кузнецов А.П. Уголовная политика: проблемы дефинирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 283–286.
3. Кури Х. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 240–256.
4. Бодров В.А. Психологические механизмы адаптации. М. : Ин-т психологии РАН. 2007. 624 с.
5. Кунц Е.В. Направления криминологической политики в сфере противодействия преступности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). С. 99–101.
6. Скобликов П.А. Публичное освещение резонансных антикоррупционных дел: уголовно-политические и криминологические задачи, проблемы и возможные решения // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 8–14.
7. Панченко В.Ю., Михалева А.Е. Правовой режим обеспечения государством компенсации ущерба, причиненного потерпевшим // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 77–84.
8. Сальников В.П. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 7. С. 73.
9. Жестеров П.В. Усиление уголовной репрессии в сфере противодействия терроризму: российский и европейский опыт // Юридическая мысль. 2016. № 1 (93). С. 98–103.
10. Крылова Е.С. Уголовная ответственность за преступления коррупционной направленности: анализ последних изменений в УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1 (31). С. 48–54.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 ноября 2019 г.

On the Constitutional and Legal Foundations of Criminal Policy and Its System

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 246–252.

DOI: 10.17223/15617793/452/31

Roman A. Romashov, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Vladislav Yu. Panchenko, Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Agrarian University, Federal Siberian Scientific and Clinical Center of the Federal Medical and Biological Agency (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Ivan Yu. Makarchuk, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: faler2007@yandex.ru

Keywords: constitutional law; criminal policy; power relations; crime prevention; socio-political security.

In this study, the authors address the problem of determining constitutional and legal foundations and the possibility of using various criminal policy management tools in order to increase the policy's effectiveness and strengthen the rule of law. The subject matter of this study is the description of essential features of individual elements of the content of criminal policy and the directions of its

constitutional and legal development in Russia at different stages of the country's historical development. The aim of this article is to determine the place of criminal policy in the system of state and international policies. The study is based on the theoretical material from a number of researchers (P.V. Zhesterov, A.P. Kuznetsov, E.V. Kunts, R.A. Romashov, V.P. Salnikov, and others). The Constitution of the Russian Federation and the laws of the country were also used. The methodological basis of the study is dialectic, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of law enforcement problems at different stages of the development of legislation in the field of the constitutional foundations of the criminal policy of Russia, the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods of its development. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify approaches to the conduct of criminal policy in the countries participating in the United Nations, and the prospects for using various criminal policy measures to develop the constitutional system of Russia. As a result, the authors came to the conclusion that Russian policy at all stages of its formation was based on the delimitation and isolation of government bodies and officials from society as a whole and its individual representatives in particular. In the political practice of Russia, the people at all historical stages were not subjects of political power but, rather, objects of public administration, whose vital activity was always determined by a "higher will". Unconscious resistance to this will in a number of cases resulted in "blind and merciless Russian riots", representing the so-called "conflicts of hopelessness", inherently doomed and destructive in essence. A feature of the criminal policy of the state, as applied to modern Russia, is its "focus" on the personality of the head of state—the president, who owns both the prerogatives in the field of legislative, organizational, and personnel support of anti-criminal activity and the "final word" in the field of criminal prosecution and justice. In relation to criminal policy at the international level, Russia acts as one of the member states, which in the formal sense does not differ from other UN member states, but in reality claims to have the same central place in international politics that the USSR had before.

REFERENCES

1. Romashov, R.A. (2017) Russian Criminal Policy: Origin and Present-Day State. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 21 (244). pp. 54–55. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-54-58
2. Kuznetsov, A.P. (2016) Ugolovnaya politika: problemy definirovaniya [Criminal Policy: Problems of Definition]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 3 (35). pp. 283–286.
3. Kury, H. & Il'chenko, O. (2013) Punishment Efficiency: Results of International Research. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 2. pp. 240–256. (In Russian).
4. Bodrov, V.A. (2007) *Psikhologicheskie mekhanizmy adaptatsii* [Psychological Adaptation Mechanisms]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
5. Kunts, E.V. (2012) Napravleniya kriminologicheskoy politiki v sfere protivodeystviya prestupnosti [Directions of Criminological Policy in the Field of Combating Crime]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 27 (281). pp. 99–101.
6. Skoblikov, P.A. (2018) Media Coverage of Celebrated Anti-Corruption Cases: Criminal, Political and Criminological Tasks, Issues and Possible Solutions. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 8–14. (In Russian).
7. Panchenko, V.Yu. & Mikhaleva, A.E. (2017) Pravovoy rezhim obespecheniya gosudarstvom kompensatsii ushcherba, prichinnogo poterpevshim [The Legal Regime of Providing the State With Compensation for Damage Caused by the Victims]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 4. pp. 77–84.
8. Sal'nikov, V.P. (2016) Ugolovno-ispolnitel'naya politika kak element ugolovnoy politiki sovremennoy Rossii [Penal Policy as an Element of the Criminal Policy of Modern Russia]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 7.
9. Zhesterov, P.V. (2016). Gain of Criminal Repression in Countering Terrorism: Russian and European Experience. *Yuridicheskaya mysl'*. 1 (93). pp. 98–103. (In Russian).
10. Krylova, E.S. (2018) Criminal Liability for Crimes of Corruption: A Survey of Recent Changes in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 1 (31). pp. 48–54. (In Russian).

Received: 13 November 2019